

INSPIRIA

Б.К. БОРИСОН

18+

ДУХ РОЖДЕСТВА

INSPIRIA

Б. К. Борисон
Дух Рождества
Серия «Inspiria Ромэнтэзи.
Нереальная любовь»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74641856

Аннотация

В первый день декабря

Мне судьба принесла

Полосу неудач –

И призрака в придачу!

Он – Дух Прошлого Рождества. Она – вовсе не Скрудж.

В праздничном списке Нолана всего два пункта:

1. Наставить грешника на путь истинный

2. Вернуться к скучной загробной жизни

План прост, вот только грешницей оказывается Хэрриэт. Она – самая милая подопечная из всех, что попадались Духу за последние сто лет. Владелица антикварной лавки, обожающая рождественскую атрибутику и яркие свитеры. Единственный ее недостаток – излишняя доброта.

Проблема в том, что Хэрриэт понятия не имеет, за что именно к ней приставили Духа. Чтобы ответить на этот вопрос, герои должны совершить путешествие по воспоминаниям девушки.

Пока они вместе шаг за шагом распутывают тайны прошлого, им открываются способы изменить их настоящее. Но хватит ли паре смелости заглянуть в общее будущее – если один жив, а другой... не совсем?

На поиск ответа всего три недели, ведь в канун Рождества Дух испарится, а Хэрриэт забудет его навсегда.

Теплая, волшебная и пронзительно романтическая история о втором шансе, исцелении и любви, которая не исчезает, даже если ей суждено стать воспоминанием.

Содержание

Глава 1. Хэрриэт	8
Глава 2. Нолан	23
Глава 3. Нолан	37
Глава 4. Хэрриэт	50
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Б. К. Борисон

Дух Рождества

B. K. Borison

GOOD SPIRITS: Ghosted (Book 1)

Copyright © 2025 by B. K. Borison.

All rights reserved.

Published by arrangement with William Morrow, an imprint
of HarperCollins Publishers

Перевод с английского *Александры Патриной*

© Патрина А., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Привет! Меня зовут Бэкс, и я пишу уютные любовные ро-

маны. Все началось с ноутбука в тихой гостиной. Я часами переносила на страницы чувства, которые переполняли мое сердце. Любовные истории для меня – воплощение безграничной надежды. В писательстве я больше всего ценю возможность причастности к сообществу романистов. Нигде прежде я не встречала такой открытости и теплоты. Писать я любила всегда. Еще в школе мы с подругами по кругу передавали общую тетрадь с фанфиками. После того как ее изъяли и зачитали на педсовете, я сбежала в интернет, скрывшись за псевдонимом. В 2021 году я решилась на публикацию первого романа, и все, что произошло с тех пор, превзошло мои самые смелые ожидания. С нетерпением жду продолжения этого пути и от всего сердца радуюсь, что вы со мной.

Для потерянных и забытых.

И для тех, кто верит и не отпускает.

Глава 1. Хэрриэт

В первый день декабря
Мне судьба принесла...

Весьма своевольную кошку, что обернулось разбитой коленкой и запутанной гирляндой.

Мне прекрасно жилось и без этих неприятностей, но они дружно налетели на меня и теперь не дают опомниться. Собственно, я спотыкаюсь о соседскую кошку и кубарем скатываюсь с крыльца. Она с мяуканьем несется за мной и лижет мне ладонь шершавым языком, как будто не из-за нее я растянулась на тротуаре возле своего небольшого дома, словно труп в детективном сериале. Это притом что ноги мне вдобавок оплетает провод с мерцающими лампочками.

Под жалобный вой Оливер я с трудом сажусь и внимательно разглядываю несчастную коленку. Колготки порваны, намечается огромный синяк, но крови нет... почти. Могло быть и хуже.

Тут я замечаю, что представительница кошачьих, из-за которой я с самого утра проявляю чудеса акробатики, держит в крошечных зубках конверт, а оттуда торчит карточка из плотного картона, тисненная золотистой фольгой. Настроение только ухудшается.

– Это могло бы и подождать, Оливер, – ворчу я, почесывая ее за ухом, а она кладет приглашение к моим ногам.

Честно говоря, могло подождать хоть до конца света.

Кошка опять мяукает и, толкнув меня в руку, убегает. Мол, не грусти, дорогая. Взмахнув рыжим хвостом, Оливер исчезает за углом – спешит по своим важным делам.

Я смотрю на конверт. За двадцать пять лет мама ни разу не потрудилась поменять оформление. В раннем детстве я пряталась за стеной приемной у нее на работе и смотрела, как мама медленно выводит каждое имя. Мне казалось, если она пишет так аккуратно и вдумчиво, значит, глубоко уважает каждого приглашенного. Но теперь я понимаю, что ей нравится сам ритуал.

Провожу пальцем по своему имени – Хэрриэт Йорк.

Никакого ласкового обращения – так и не догадаешься, что отправительница вообще-то меня вырастила. Точно такое же письмо получает папин бухгалтер и все остальные приглашенные на ежегодный рождественский бал Йорков. Мама никогда не нарушает традиций и очень строго соблюдает этикет, поэтому карточка приходит точно в срок – первого декабря.

Кладу приглашение в сумочку, стараясь не помять. Хотела бы я относиться к балам как к какой-нибудь ерунде, но не получается. Мысль о том, что в семье меня по-прежнему ждут, греет душу, хотя отношения у нас в последнее время разладились.

Выпутавшись наконец из гирлянды, я отползаю с тротуара и выуживаю из кустов у крыльца выпавшие из рук пакеты. К тому моменту, когда приходит приглашение, я всегда успеваю украсить дом. Это уже моя маленькая традиция в любимое время года. На выходных я достала с чердака все необходимое и разложила по кучкам, хотя какая теперь разница? Гирлянда, искусно обвивавшая перила, сейчас жалко свисает с них. От огромной пуансеттии, которую я двадцать шесть минут вертела и так и эдак, чтобы смотрелось красиво, оторвался лепесток.

Я поправляю край цветка-переростка, чтобы прикрыть полысевшее место.

– Ну вот, – говорю я. – Прямо как новая.

Моя тетя Матильда раньше заверяла, что почти все можно исправить, если посмотреть на ситуацию с другого ракурса или прикупить яркой мишуры. Вот и я взялась таким образом исправлять свою жизнь: начала с покупки непропорционально гигантских рождественских украшений. Я всегда пытаюсь отыскать в ситуации плюсы, а если не получается – бегу в крошечную кондитерскую на нашей улице и разгоняю тоску черничными слоями.

Не люблю заикливаться на плохом. Никогда так не делала.

И сейчас не буду.

– Хэрри, ты как там?

На низкий деревянный заборчик у моего дома падает

тень. Дэррил, почтальон, работающий в нашем квартале, отчаянно пытается посмотреть на меня из-за горы коробок, что держит в руках.

– Все хорошо, Дэррил.

Я прихрамываю к ограде и снимаю с его «Пизанской башни» верхние коробки. Почтальон благодарно улыбается, хотя за его пышными усами этого почти не видно. Зато возле глаз у него разбегаются лучики морщинок.

– Как вы догадались, что я упала?

– Наверное, потому что ты по сторонам не смотришь.

Груда коробок опасно покачивается, в почтальонской сумке через плечо явно лежит что-то объемное, и я невольно хмурюсь.

– Предпраздничная суматоха? Так рано?

– Да нет, просто перепутал адреса и теперь стараюсь все исправить. – Дэррил поворачивается боком, чтобы меня видеть. – Не понимаю, как умудряюсь столько ошибаться.

Ошибается он всю свою карьеру – двадцать с лишним лет приносит не те посылки не тем людям. Не представляю, почему человек с топографической неграмотностью пошел именно в почтальоны. Я бросаю взгляд на коробки, которые забрала, и указываю на зеленую табличку возле перекрестка.

– Вы перепутали улицу. В адресе написано Моррис-стрит, а вы на Мюррей-стрит.

Дэррил, прищурившись, смотрит на выведенные на бумаге буквы и удивленно охает:

– Надо же, а я и не заметил. Даже не верится!

Мне тоже, учитывая, что на прошлой неделе он уже перепутал эти две улицы. Большинство местных жителей тратит воскресенье на то, чтобы разобраться, у кого чья почта. На той неделе Дэррил ошибся столько раз, что мы даже решили свезти все отправки в одно место, чтобы каждая нашла адресата.

– А может, я возьму эту коробку и занесу нужному человеку по дороге на работу? – Я поудобнее устраиваю тяжелую посылку под мышкой. – Тогда вы спокойно развезете остальные на нашей улице, и вам не придется возвращаться.

– Ты правда поможешь? – расцветает Дэррил.

Мне доводилось выполнять задания посложнее за меньшую благодарность.

– Люблю играть в Санту, – улыбаюсь я и похлопываю почтальона по плечу. – Еще увидимся!

– Сегодня, надеюсь, не придется, – обернувшись, подмигивает он мне и идет дальше по тротуару.

* * *

В первый день декабря
Мне судьба принесла...

Две перепутанные посылки, внеплановое посещение ап-

теки в поисках пластыря и ни одной черничной слойки.

– Прости, дорогая, но все закончились, – хмурится Пола из-за стойки. Уголки ее рта печально опускаются. Я прихожу в кондитерскую Пола с тех пор, как мне исполнилось шесть лет и я впервые прижалась перепачканным черникой лицом к стеклу витрины. – Может, возьмешь с клюквой или с яблоками?

Нет. Я хочу с черникой. Сама мысль об этом нежном сахарном наслаждении помогла мне пережить ужасное утро. Я бежала за сладкой мечтой, как ослик – за подвешенной перед носом морковкой. Но Пола не виновата, что слойки закончились, поэтому я с вымученной улыбкой киваю: сейчас бы в прямом смысле выгребла из кондитерской последние крошки.

– Да, давайте с клюквой, спасибо.

Пока Пола лезет в длинную стеклянную витрину, я изучаю пострадавшее колено. Дырка на колготках увеличилась – словно молния расплзлась вверх по бедру. Я похожа на какую-то праздничную гранж-рок-принцессу: твидовая юбка, сапоги до колена. Пластырь с единорогом хотя бы добавляет красок. Уже неплохо.

– Ой-ой...

Я вскидываю голову. Пола согнулась пополам, обшаривая витрину.

– Что такое? – спрашиваю я. Ненавижу эти «ой-ой». Еще одно такое восклицание за сегодня, и я не выдержу.

– Похоже, слойек вообще не осталось.

– Совсем? Даже с клюквой? Ни одной нет?

В моем голосе такое разочарование, что лицо Пола смягчается.

Я ведь всегда покупаю слойки первого декабря. *Всегда.*

– Просто обычно ты гораздо раньше приходишь, – разводит руками женщина, критически осматривая меня из-за стойки. Кивает на мою разбитую коленку: – Подралась на улице? Что с тобой случилось?

– Жизнь случилась, – бормочу я. Пришла за слойками позже обычного, потому что делала хорошее дело, но, похоже, все добро наказуемо.

Вспоминая о том, что за мной собирается очередь, окидываю глазами остатки выпечки. В витрине лежат только круасаны со сливочным маслом и парочка пончиков, присыпанных сахарной пудрой.

– Дайте мне пончик, пожалуйста. – Я оглядываюсь через плечо. – Извините, что задерживаю.

– Ничего страшного. – Пола цепляет пончик металлическими щипцами и кладет в бумажный пакет. – Возьмешь еще кофейку? Есть мокко с перечной мятой, как ты любишь. На выходе скажешь Имани, что это за счет заведения.

– Спасибо, Пола. – Я растягиваю губы в улыбке.

Попивая несчастный кофе, я съедаю несчастный пончик по дороге к «Вороньему гнезду», антикварному магазинчику, который несколько лет назад достался мне в наследство

от тети Матильды. В украшенном сахарной пудрой свитере сворачиваю на извилистую улицу, петляющую по историческому центру Аннаполиса, а затем прохожу вдоль гавани по мощеной дорожке, ведущей напрямик к лавке. Та приютилась в самом конце улицы, ждет меня – мой второй дом вдаль от родного, – а с обеих сторон от маленького здания поблескивает вода.

Кедровая черепица. Зеленая отделка. Над дверью – табличка с фигурными золотыми буквами. Входя в магазин, я провожу пальцами по высечкам на косяке парадной двери – так мы с сестрой каждое лето измеряли рост.

И если родители хранили наши документы и другие важные бумаги в аккуратной папке в офисе, то тетя Матильда устроила из своего дома целый музей нашего детства. Тут я чувствую себя особенно уютно – среди забытых вещей, наваленных на полки и теснящихся в шкафах. Для меня это источник надежды. Приятная компания. Не раз я брала в руки потерянную безделушку и видела красоту в ее изъянах. Мне всегда было любопытно: если усердно зализывать раны и лечить синяки, получится ли потом засиять? Сможет ли кто-нибудь увидеть во мне ценность, какую я видела в забытых безделушках?

Я шагаю с тротуара на деревянный мостик к дверям, негромко стуча каблуками. Тетя Матильда с усмешкой называла это ходьбой по краю. Ближе к двери перепрыгиваю через последнюю деревяшку и приветствую две дугласовы

пихты, терпеливо ждущие меня у порога, – их доставили издалека, с фермы, где выращивают рождественские елки. Я собираюсь украсить магазин, слушая проникновенные песни Бинга Кросби¹, льющиеся из древнего проигрывателя, а заодно натолкать в рот побольше мятной коры², чтобы превратить это утро в не более чем плохое воспоминание.

Но мои тщательно продуманные планы так и остаются где-то под пихтами. У меня даже не доходят руки установить деревья на подставки. Стоит перевернуть табличку «открыто» на двери, как в магазин вереницей прибывают посетители. Я могла бы порадоваться, что у нас так много народу, однако в основном люди только задают кучу вопросов, но ничего не покупают – они словно проверяют мое дружелюбие на прочность, а я упорно держусь только за счет силы воли. Обычно мне нетрудно поболтать, но одна дамочка пятнадцать минут говорит с кем-то по громкой связи, другая пытается навязать мне какую-то маску для волос, которой добросовестно пользуется уже десять лет, а некий мужчина средних лет, обутый в кроссовки *New Balance*, громко пыхтя, бродит по закутку с мебелью.

¹ Бинг Кросби – знаменитый американский певец и киноактер, один из самых успешных и влиятельных исполнителей XX века. – *Здесь и далее примеч. ред.*

² Мятная кора – традиционный американский и европейский десерт, который особенно популярен в период зимних праздников. Он представляет собой плитку, состоящую из нескольких слоев шоколада (обычно темного и белого), густо посыпанную сверху измельченными мятными леденцами или карамельными тростями.

– У вас нет прикроватных тумбочек в разборе? – кричит он мне, уперев руки в бока и случайно потеряв грязно-белую кроссовку.

Хочется огрызнуться, мол, у нас не *ИКЕА*. Но я откладываю возражения в тот же ящик, что и тоску по черничным слойкам, а на лицо приклеиваю улыбку.

«Думай о хорошем, – велю я себе. – Думай о хорошем, только о хорошем, думай о хорошем...»

– Нет, антиквариат в разобранном виде не продается, – ровным тоном отвечаю я, гордая тем, что не сорвалась. – Зато у нас есть очень красивые тумбочки.

К тому моменту, как солнечные лучи в задних окнах тают, я успеваю жутко устать, коленка ноет, а украшения не развешаны, не считая скромной омелы над дверью в кладовку. Я переворачиваю табличку на двери – «закрыто» – и провожу рукой по колючим лапам пихты.

– Не волнуйся, подруга, завтра будет новый день.

Хорошо бы он сложился лучше, чем сегодняшний. И хорошо бы у меня нашлось время украсить деревья гирляндами.

Под свист ветра над водой я запираю магазин тяжелым фигурным медным ключом. Очередная безделушка тети Матильды, которую у меня не хватает духу осовременить. Засовываю ключ в карман и выхожу на улицу, где в вечерних сумерках просыпаются мягко поблескивающие фонари.

По дороге домой я больше не спотыкаюсь ни о какую

кошку. На крыльце не навалена груда чужих посылок и гигантских рождественских украшений. Дом как дом на тихой улочке в Аннаполисе. И дверь как дверь, разве что нужно прижать ногой правый нижний угол, чтобы открыть ее.

Меня встречает мерцание гирлянды на елке. Я бросаю вещи возле двери, после чего, извиваясь, снимаю колготки. Натягиваю любимую пижаму – красно-белый фланелевый костюм с танцующим оленем – и собираю кудрявые волосы в хвост. Сегодня я скрашу свои разочарования фильмом «Светлое Рождество» и мятным чаем. А завтра начну все сначала.

Рождество всегда было моим любимым временем в году. Единственный период, когда волшебство становится реальным и витает в воздухе где-то совсем рядом. Кажется, протяни руку – и вот она, магия. словно можно поймать ее замерзшими пальцами, как карамельку или пачку попкорна, перевязанную красивой ленточкой. Ощутить ее, как потрескивающий в камине огонь или имбирные пряники только из духовки. На Рождество чувствуешь, что все в жизни складывается правильно. Что все вокруг настоящее.

Я удобно устраиваюсь на мягком диване и, развернув карамельную тросточку, смотрю фильм, где Бетти и Джуди³ поют про сестер. У меня в горле сразу появляется плотный ту-

³ Бетти и Джуди – главные женские персонажи, сестры и музыкальный дуэт из знаменитого американского музыкального фильма «Светлое Рождество» (White Christmas, 1954 год).

гой комок. *Сестры.*

Все детство мы с сестрой на Рождество лежали перед телевизором на полу, прижавшись друг к другу, и раз за разом пересматривали эту сцену. Обещали, что останемся такими навсегда: будем улыбаться, смеяться, танцевать – вместе, *до конца жизни*. Мы наблюдали, как мама с тетей все время грызлись, пока их отношения окончательно не разрушились. Нам так не хотелось. Для себя мы загадывали лучшее.

Но когда я в последний раз разговаривала с сестрой, кругом цвели вишни, а на ее щеках блестили слезы. Хотя мы и надеялись сохранить отношения, в итоге все же умудрились повторить историю мамы и тети.

Я пошла одной дорогой, Саманта – другой.

Отгоняю эту мысль. Сегодня же первое декабря. Неподходящий день для болезненных воспоминаний. Время Дэнни Кэя⁴, мятных леденцов и уютнейших носочков.

Традиция. Надежда. Тепло.

Я так занята поглощением чая и навязыванием себе мыслей о лучшем, что не замечаю, как у меня под носом происходит нечто важное. Например, в гостиной вдруг появляется некто. Далеко не сразу я все-таки улавливаю шаркающие шаги и вижу большую грозную тень, загораживающую свер-

⁴ Дэнни Кэй (настоящее имя – Дэвид Дэниел Каминский) – легендарный американский актер, певец, танцор и комик. Исполнил одну из главных ролей в фильме «Светлое Рождество».

кающую елку. Незнакомец откашливается, я резко поворачиваюсь на звук и...

Кричу. Ору во весь голос и кидаю в мужчину первое же, что попало под руку. Пульт от телевизора, просвистев над плечом незваного гостя, падает рядом с фигуркой маяка.

Незнакомец даже не вздрагивает, так и смотрит на меня из сумрака.

– Привет, Хэрриэт, – непринужденно здоровается он.

Голос грубый. С легким акцентом, который невозможно определить. А пока чужак прячется в тени, я вообще неспособна разобрать, кто там. Различаю только массивную фигуру, квадратный подбородок и опущенные руки.

Я вжимаюсь в дальний угол дивана. Дыхание учащается. Именно с такой завязки и начинаются все подкасты о загадочных убийствах.

– Не бойся. – Незнакомец поднимает руки и показывает пустые ладони.

Не бойся. Серьезно? И это мне говорит человек, который неизвестно как проник в мою гостиную? Он подходит ближе, и на его угловатом лице пляшут отблески гирлянды. Челюсть тронута щетиной, а над губой намек на усы. Незнакомец проводит рукой по растрепанным на ветру волосам.

Я вцепляюсь в карамельную тросточку. Она не настолько острая, чтобы проткнуть гостя, однако у меня в крови бушует достаточно адреналина, чтобы нанести чужаку пусть и легкие, но повреждения.

– Чего тебе надо? – выдыхаю я.

– Я хочу тебе помочь. – Он шагает мне навстречу. – Еще не поздно, Хэрриэт. Ты можешь все исправить.

– Вы что... в секту меня зазываете? – недоуменно моргаю я. – Мне у вас делать нечего, спасибо. – Его лицо остается невозмутимым, а я нервно перевожу взгляд от двери к незнакомцу и обратно. – Как вы попали в мой дом?

– Я...

– А главное: когда вы уйдете?

– Я не...

– У меня тут нет ничего ценного. – Я прикусываю губу. – Ну, вернее, есть. Вон тот пряничный домик на полу расписан вручную. На черном рынке за него можно что-то выручить.

Вскинув брови, мужчина изучает фигурку и медленно повторяет:

– На черном рынке...

– Забирайте, – шепчу я. – Забирайте и уходите. Пожалуйста.

Мужчина качает головой и снова смотрит, как я съеживаюсь на диване. Задерживает взгляд на моих узорчатых пижамных штанах.

– Да не нужен мне твой пряничный домик, – говорит он, потирая подбородок.

– А что вы тогда хотите? Убить меня?

«Ну ты молодец, Хэрриэт, – фыркает мой внутренний голос. – Очень тонкая игра».

– И убивать я никого не собираюсь. – Свет падает на его лицо. Угловатое, острое, а глаза пронзительные. У незнакомца ходят желваки, а потом он вдруг вскидывает голову и грозно рокочет: – Мне нужна твоя душа.

Живот сводит от страха, и я молчу в ожидании пояснений. Их нет.

– Слушайте, звучит как-то по-убийственному.

– Я не буду тебя убивать.

– А как тогда получить мою душу? Только убить!

– Да нет же, – стоит на своем мужчина. – Я не...

– Ну просто... Если вы не убийца, тогда хорошо бы вам как-то по-другому знакомиться с людьми, потому что...

– Я пришел сравнять счет, – торопливо обрывает меня он, повысив голос. В его тоне звучит типичное раздражение, мол, опять все идет не по плану. Что ж, ладно. Нас таких теперь двое. Губы незнакомца сжимаются в ниточку, и он как-то странно на меня смотрит, а в глазах у него что-то блестит. Огонек. Почти что пламя свечи. – Я Дух Прошлого Рождества, Хэрриэт. Время воздать тебе по заслугам.

У меня отвисает челюсть. Карамельная тросточка падает на пол.

В первый день декабря
Мне судьба принесла
Полосу неудач —
И призрака в придачу...

Глава 2. Нолан

Хэрриэт в немом удивлении застыла на диване и вытаращилась на меня огромными карими глазищами, судорожно натянув на грудь плед. Если поначалу она еще пыталась что-то тараторить, то теперь, похоже, решила притвориться мебелью.

Ну и отлично. Ждать я умею.

Я еще не отошел от испуга: как-никак телевизионный пульт едва не снес мне ухо. Это был, конечно, далеко не первый случай, когда, заведя меня, люди сразу нападали, но я точно не ожидал такой реакции от хрупкой девушки в нелепой пижаме.

Пока Хэрриэт смиряется с услышанным и происходящим, я залезаю рукой в плотные ветви елки и достаю из-под них небольшой пульт. Аккуратно кладу его на журнальный столик.

Девушка сдавленно хрипит, будто захлебывается.

Как мило.

– Вы не... – Она сглатывает и, резко втянув в себя воздух, выдыхает, а потом наконец выдает: – Вы не похожи на привидение.

– Ну-у... – тяну я, и это слово неуверенно повисает в воздухе. Не привык, что люди сомневаются в моем существовании, даже когда я стою прямо перед ними.

– Ну? – недоуменно переспрашивает Хэрриэт.

У самого ее локтя стоит кружка в форме рождественской елки, а на многочисленных подмигивающих гирляндах висят гроздья карамельных тросточек – вот оборвется провод, и пожар обеспечен. Каждый свободный дюйм пространства занят всевозможным хламом. Не дом, а сущий кошмар, но... пожалуй, нарядный. Нарядный кошмар.

– Я оно и есть, – отвечаю я, пытаюсь собрать все свои потусторонние силы в кулак.

– Привидение?

– Да, – киваю я. – Я призрак. Или дух. Называй как хочешь.

Хэрриэт медленно моргает. Ее непослушные светлые кудряшки небрежно забраны в хвост на макушке. Две прядки, вырвавшиеся на свободу, обрамляют высокие скулы. Девушка с силой потирает кулаками глаза, словно пытаюсь избавиться от наваждения, а потом, уронив руки на колени, смотрит на меня затуманенным взглядом и опять озадаченно моргает.

– А ведь правда. Кто же еще? – немного истерически хихикает Хэрриэт, закатывая глаза к потолку. – Призрак! – бубнит она себе под нос. – Он призрак!

– Да, я призрак, – соглашаюсь я.

– Призрак, – повторяет девушка, а ее саркастическая улыбка постепенно гаснет.

– Дух Прошлого Рождества, да, – уточняю я.

– Вас прислали за мной? – Она тычет пальцем себе в грудь. – Именно за мной?

Я киваю.

– Правда? Вот прям сейчас? – щурится Хэрриэт, морщит нос. – Просто... в это очень сложно поверить.

– Всем сложно.

– Так вы точно за мной? Я ведь, знаете, хороший человек. Плачу налоги. Кормлю соседскую кошку, – сдвигает брови девушка. – Вы уверены, что вломились в мой дом не по ошибке?

– Я не вламывался и даже не входил, – качаю головой я, обводя рукой комнату. – Я появляюсь там, куда меня отправят. Так случайно выходит, когда тебя за кем-то посылают.

Хэрриэт возится под пледом, задумчиво шевеля губами. Здесь тоже нет ничего особенного. Сначала человек впадает в шок, потом недоумевает, а затем начинает отрицать. Пытается осмыслить, как я внезапно предстал перед его взором. Понимаю, я не выгляжу как призрак. Скорее как самый обычный мужчина. Коричневые ботинки. Темные джинсы. Теплая фланелевая рубашка. Меня никогда не привлекали трюки некоторых моих коллег, любящих появиться чересчур эффектно. Зачем эта клоунада, если достаточно уже того, что я просто возникну из ниоткуда? Не хватало еще нацепить на себя длинный белый плащ для большего драматизма.

Хотя, может, и стоило бы. Так процесс пошел бы быстрее. Надо взять на заметку.

Хэрриэт медленно находит меня взглядом, и что-то в выражении ее лица не дает мне покоя. Я склоняю голову набок и изучаю девушку. Она кажется мне... знакомой. Как будто неуловимое воспоминание. Или... образ? Что-то вроде того. Словно песня, которую я когда-то слышал.

– Мы раньше встречались?

– Не знаю, – слабым голосом отвечает Хэрриэт и ерзает на диване, отчего свет падает на нее под другим углом. Наваждение улетучивается. – Скажите мне вот что... Вы не только взломщик, но еще и сталкер?

– Да не влезал я к тебе в дом, Хэрриэт! – закатываю я глаза. – Появился здесь по волшебству.

– По волшебству, – скептически вторит она. – А вас не смущает, что с волшебством или нет, но вы все-таки ворвались в мой дом?

– А можно мы не будем говорить о том, что я сюда якобы вломился? – Я потираю переносицу.

– А вам что, настолько неприятна эта тема?

Ну и кошмар. Только прибыл на задание, а уже злюсь. Обычно раздражение приходит только на втором или третьем воспоминании. А вообще проводить праздники в поисках худших представителей рода человеческого – так себе занятие для загробной жизни, лучше я от него не сделался.

Мне все сложнее себя контролировать, и магия рвется на свободу: свет в комнате то ярко вспыхивает, то меркнет. Глаза у Хэрриэт округляются.

– Давай еще, – с придыханием просит она.

– Нет.

– Почему?

Потому что я не нарочно, но ей об этом знать необязательно.

– Не положено.

В девушке, похоже, зреет чувство протеста. Она выпрямляется на диване, и плед сползает с плеч.

– Мне нужны доказательства!

– Доказательства чего?

– Твоей... ну... призрачности. У тебя есть документы? – Из-под пледа показывается тонкая рука, сжимающая карамельную тросточку с заостренным концом. – Допустим... удостоверение?

– Значок духа?

– Значок, не значок... Не знаю, что там у вас.

– Значков у нас нет. Вообще никаких документов.

– Очень удобно, – сощуривается Хэрриэт.

– Я подниму этот вопрос на следующей летучке, – пожимаю плечами я.

– На летучке? Так вас много?

Я киваю. Нас целые сотни. Не может же за всеми отъявленными негодяями мира гоняться всего один Дух Прошлого Рождества. Это непосильная задача.

– Ну ладно. Хорошо. Очень хорошо, – скороговоркой шепчет Хэрриэт. Она стреляет глазами то вверх, то в сторо-

ну. Потом обратно к потолку и снова вбок. На третий раз она останавливает взгляд на мне и требует: – Сделай что-нибудь призрачное.

О, небеса. Что за женщина!

– Нет.

– Докажи, что ты дух, – настаивает Хэрриэт. – Сделай что-то такое, что может только привидение. Ну, там, со светом поиграй.

– Это тебе не фокусы для вечеринки. – Я скрещиваю руки на груди.

– Так бы сказал любой смертный, – самодовольно ухмыляется девушка.

– Я вдруг откуда ни возьмись появился у тебя в гостиной. Разве этого мало?

– Ты вышел из-за елки, – уточняет Хэрриэт. – Значит, мог и через парадную дверь проскользнуть.

Я поворачиваю голову и красноречиво смотрю на замок на двери. Там еще и цепочка накинута.

– Не проскальзывал.

– Тогда в окно.

– Оно тоже заперто.

Хэрриэт вскидывает брови, явно мысленно ища объяснение.

– А вдруг это просто реалистичный сон? – мямлит она и щиплет себя за запястье.

– Нет, не сон, – усмехаюсь я.

– Ты слишком молодой для призрака! – раздраженно пыхтит Хэрриэт.

– Кто бы говорил, – хмыкаю я. – Умер молодым.

– А что у тебя с голосом?

– Ты про акцент? – изгибаю бровь я.

Хэрриэт кивает.

– Я умер ирландцем.

– Значит, ты больше не ирландец? – хмурится она.

– Нет, все еще ирландец.

– Тогда почему бы тебе не навеститься к какой-нибудь хорошей девушке в Ирландии?

– Не знаю. Меня послали сюда, – потираю подбородок я. – Наверное, за вами, американцами, больше грехов водится.

– Грубиян, – оскорбленно пыхтит Хэрриэт.

– Ну да, – пожимаю плечами я. – Вы, ребята, те еще самолюбленные типы.

Девушка замолкает и глубоко задумывается. Тишину нарушает лишь бормотание телевизора у меня за спиной и хруст карамельной тросточки, когда Хэрриэт откусывает от нее кончик. На девушке фланелевая пижама с принтом в виде маленьких оленей, а на ногах – теплые красные носки. Не будь этот образ нелепым, то показался бы даже милым.

– Итак, за мной прислали призрака... – проговаривает Хэрриэт. – Видимо, я сделала что-то ужасное, и теперь за мной охотятся. Дух.

– Ну, в целом так, да.

– А ты уверен, что тебе нужна именно я?

Щелкаю пальцами, и у меня в руке появляется бумажный свиток. Я разворачиваю его и, прищурившись, с трудом читаю неразборчивый почерк. Изабелла, моя начальница в Отделе Духов и Искуплений, привыкла все делать по старинке. Инструкции к заданиям пишет от руки и выдает нам лично.

– Ты ведь Хэрриэт Йорк, так? Двадцать семь лет? Хозяйка «Вороньего гнезда»?

Она озадаченно пялится на меня, пытаюсь понять, откуда взялся свиток.

– У тебя там что, бумага с моим именем? – шепчет девушка.

– Да, мне ее выдали.

– А ты совсем не стараешься опровергнуть версию, что ты сталкер, приятель.

– Да не сталкер я, – вздыхаю я. – Мне нужна твоя душа.

– Ага, конечно.

– Именно так все и есть.

В последний день ноября каждый Дух Прошлого, Настоящего и Будущего Рождества получает от Изабеллы указания – и вперед. Нам дается целый декабрь, чтобы наставить грешников на путь истинный, а иначе они обречены на печальное и никчемное существование. Мне вот выпало подготовить Хэрриэт к свиданию со следующим духом, пока ее жизнь не полетела в тартарары.

Или куда там еще. Мне никогда не было дела до того, что

происходит, когда моя работа окончена.

– Начнем с самого начала? – предлагаю я. – Может, тогда тебе будет легче смириться с моим появлением?

Хэрриэт садится на колени. Еще одна кудряшка отчаянно рвется на свободу.

– Что ж, давай попробуем.

– Я Дух Прошлого Рождества. Меня прислали наставить тебя на путь истинный. Мы покопаемся в твоём прошлом, чтобы ты поучилась на своих ошибках.

– Ладно, – тянет девушка, и интонация у нее не столько утвердительная, сколько вопросительная.

– Да? Хорошо? Ты готова?

– Не очень. – Хэрриэт засовывает карамельную тросточку за щеку. – У меня есть вопросы.

– Какие? – обреченно уточняю я.

– Насчет моих ошибок. – Голос девушки смягчается, а в карих глазах мелькает сожаление. Она моргает – и вот его уже нет. – Что я делала не так?

– Вот заглянем в твоё прошлое – и ты все увидишь.

– И все?

– Ну, примерно.

– А ты уверен, что я вообще совершала серьезные ошибки? – Хэрриэт, видимо, все еще не убеждена. – Настолько фатальные, чтобы за мной прислали духа?

Руки чешутся достать из заднего кармана джинсов свиток и сунуть этой упрямце под нос. Хочется крикнуть: «Вот,

полюбуйся! Здесь твое имя! И почему ты тогда не веришь в рождественскую магию?» Я раздраженно провожу ладонью по волосам и останавливаю ее на затылке.

– Волшебство само решает. Тебя еще можно спасти, если ты, конечно, исправишься. Ты должна искупить грехи.

Эти смертные все одинаковые. Сначала возражают, вроде как они такие хорошие и никакой кары не заслужили, но от правды не убежишь. Воспоминания не лгут.

А я не обрету покой, пока не выполню обязанности призрака. Ни на секунду лишнюю не задерживался бы в этом аду, если бы не долг. И так уже сто лет здесь кручусь. Устал.

– Давай приступать, – нетерпеливо требую я и протягиваю Хэрриэт руку.

– Что ж, давай. Наверное, – неуверенно отвечает подопечная. – Но могли бы и подождать.

– Зачем? – спрашиваю я, едва сдерживая стон.

– Просто я пока не уверена, что это не глюки, а общаться с призраком мне сегодня не хочется. Большое спасибо за визит, а теперь возвращайся в тот уголок моего подсознания, откуда появился. Мне пора на боковую. Давай считать, что в мятный чай добавили что-то не то и этот вечер мне привиделся, – хмурится она и потирает пальцами виски. – Может, я вообще головой ударилась.

– Мне, конечно, очень приятно слышать, что я прекрасно вписался в твой сон, но так дела не делаются. Я не могу просто взять и исчезнуть. Меня приставили к тебе на все празд-

ники, пока ты не признаешь ошибки прошлого и не перейдешь в вѣдение Духа Настоящего Рождества.

– Ничего себе! – почти истерически смеется Хэрриэт. – Сколько правил!

– Много, – киваю я. – Переход к другому духу – целая процедура.

Девушка будто пробует мои слова на вкус.

– Все так рационально организовано.

– Да, – соглашаюсь я. – Сам рад, что у нас идеальный порядок.

Когда я умер, никто не предоставил мне право выбора, но если бы оно у меня было, я бы никогда не пошел в призраки. Опять эта вечная рутина: сидеть на одном месте и наблюдать, как люди проживают свои жизни. За особо мерзкими типами еще и гоняться надо. Отсматривать их позорные, тяжкие воспоминания.

Проведя больше сотни лет в погонях за худшими представителями рода человеческого, я почти забыл, как жил сам. Сохранились лишь невнятные вспышки цвета, звуки. Пастельный голубой. Цвет морской волны. Бледно-бледно-розовый. Волны, бьющиеся о борт корабля, далекий колокольный звон. Маяк на берегу.

Не моменты, а именно вспышки. Я потерял себя прошлого. И теперь я дух. Пустая оболочка, приговоренная постоянно сталкиваться с чужими ошибками.

– Пора начинать, – цежу сквозь зубы я, снова протягивая

руку.

– Нет, спасибо.

Хэрриэт даже не шевельнулась.

– Хэрриэт, – устало выдыхаю я, и моя рука бессильно падает.

– Дух, – бурчит она, хватая кружку.

– От судьбы не уйдешь.

– Отличная реплика, – изгибает бровь девушка.

Я неловко переступаю с ноги на ногу. Как-то слышал эту самую фразу от другого Духа Прошлого Рождества. Она мне показалась очень грозной.

Но, похоже, в этот раз она не сработала.

– Что мне сделать, чтобы ты взяла меня за руку?

Хэрриэт задумчивым взглядом ощупывает мое плечо и всю руку до самой кисти. Призраков редко видят, а потому почти никогда не разглядывают. Необычное чувство, когда на тебя смотрят так пристально. Под ее цепким взглядом я невольно напрягаюсь, и по моей спине бежит холодок.

Пальцы подрагивают.

– Я бы хотела поговорить с вашим начальством, уважаемый Дух Прошлого Рождества.

Хэрриэт смотрит мне в глаза.

– Вот только не надо, пожалуйста! Еще не хватало на меня жалобы строчить.

Она смеется. Звонкий хохот будто рвется наружу. Кажется, Хэрриэт свойствен именно такой смех, и моя решимость

ее перевоспитать постепенно тает.

– Тогда сам поговори с руководством, – улыбается девушка. – Только так ты убедишь меня пересмотреть прошлое, или что ты там собирался со мной делать. – Она натягивает на себя позабытый плед и зарывается в него, как зверек – в норку. Щеки у нее порозовели, а губы приобрели карамельно-красный оттенок. Хэрриэт теперь идеально сочетается с елочной гирляндой – такая же яркая и сияющая. – Если придешь еще и завтра, тогда я, может, и поверю, что ты не приснился мне в странном лихорадочном сне.

– И это все, что тебе нужно? Чтобы я вернулся?

Она кивает и смотрит мимо меня на экран телевизора, где по-прежнему идет фильм. Помню, в тот год, когда вышло «Светлое Рождество», я сидел на заднем ряду кинотеатра вместе с другими смертными, держа на коленях коробку с коричневыми конфетами *Hot Tamales*, а сердце у меня билось быстро-быстро. Я смотрел, как Дэнни Кэй кружит и кружит Веру-Эллен, одетую в бледно-розовое платье, и у меня горели ладони. Наверное, сказывалась тоска по дому или еще что-то вроде того. В груди давило, а я не мог разобраться в этом чувстве. Не мог даже придумать ему название.

И вот на меня опять нахлынуло ощущение чего-то знакомого.

Скрип лодочных досок под ногами. Соленый морской воздух, мои руки на блестящем металле.

Бледно-бледно-розовый цвет.

– Завтра, – медленно повторяю я, пытаюсь поймать отголоски воспоминаний, но тщетно.

Я занимаюсь какой-то ерундой посреди чужой гостиной. Со мной никогда такого не случалось. Никто раньше не отказывался взять меня за руку... и уж точно не требовал поговорить с начальством. Но не могу же я пригвоздить Хэрриэт к дивану и заставить ее согласиться вновь пережить прошлое. Она должна сама сделать выбор.

Очередное наше маленькое правило.

– Да. Завтра. – Непонятно откуда Хэрриэт достает ведро с попкорном. Это уже ее магия. – Если будешь уходить через окно, закрой его за собой, ладно? А то сквозняк.

– Мне не нужно окно, Хэрриэт, – устало выдыхаю я, и отчего-то мне вдруг становится забавно. – Я же дух.

– Ага, конечно.

Я нерешительно отступаю обратно к елке и твердо говорю:

– До завтра. – Возможно, к тому времени я и сам смогу разобраться в своих чувствах.

Хэрриэт отрешенно поднимает вверх большой палец. Я закрываю глаза и творю волшебство. Оно окутывает меня, словно коконом, раньше, чем она успевает придумать очередное объяснение всему увиденному этим вечером.

Или запустить в меня еще чем-нибудь.

Глава 3. Нолан

На мощеной улочке на полпути от Капитолия штата Мэриленд к гавани стоит ничем не примечательный магазинчик с пустой витриной. Притаился между кафе-мороженым и лавкой, где торгуют рыболовными снастями и другим морским снаряжением. Окна закрыты выцветшей коричневой бумагой, а перекосившийся зеленый навес выглядит так, будто кто-то пытался его сорвать.

Люди проходят мимо, не обращая на магазин никакого внимания, не видя пыльных окон: еще бы, ведь дальше по улице можно купить вкусных карамелек. В это время года кругом пахнет ирисками и какао. Горячим шоколадом. А еще мятым бархатом и свежей сосной.

Меня огибают прохожие, закупающиеся к праздникам, они почти не замечают ни меня, ни пустой витрины. Я прячу лицо в воротник и схожу с тротуара, как вдруг меня плечом задевает женщина, а ее ярко-красная сумка с золотистой фурнитурой едва не сбивает меня с ног. Я хватаю незнакомку за руки, чтобы не упала, а она смущенно и рассеянно улыбается, чирикает извинения и спешит дальше к друзьям.

Она меня больше и не вспомнит. Ни разу.

Если не считать моих подопечных и нескольких обитающих в этом городе призраков, то никто уже сотню лет не смотрел прямо на меня. Люди держатся на почтительном

расстоянии, обтекают меня, словно река – камень. В глубине души они понимают, что я не такой, как они, и что от меня надо держаться подальше. Я не отсюда, не оттуда, а из принципиально иного места. Из другого времени. Я выжидаю, я слушаю, я наблюдаю, как мир вокруг меня растет и меняется, хотя сам я никуда не двигаюсь.

Будь я пессимистом, назвал бы такое существование пустым.

А по факту это все-таки жизнь, просто загробная.

Я открываю скрипучую дверь в заброшенный магазин, и меня приветствует колокольчик на аккуратной красной ленточке. Долгое время в офис можно было попасть через отдел текстиля в лавке «Для дома, для души». Под фразой «для души», видимо, подразумевалось переселение душ в загробный мир. Начальство считало эту задумку с порталом в магазине удачной, но потом один полтергейст обосновался в кресле-мешке в виде чизбургера, и смертные начали задавать вопросы. С тех пор наши стали действовать осторожнее.

Хоть снаружи магазин и выглядит обветшалым и частично разрушенным, внутри все иначе. Солнечный свет, льющийся через стеклянный потолок, освещает просторное помещение. В самом центре комнаты прямо сквозь плиточный пол пробивается огромный тис, тянущийся шишковатыми корявыми ветвями вверх. У ствола примостились два удобных стула, а рядом – высокая стойка из красного дерева, специально загораживающая единственную дверь.

– Нолан! – машет мне из-за стойки ресепшен хрупкая женщина с гладкими светлыми волосами. На запястье у нее мелькают браслеты, на рубашке расплылось пятно от варенья, а на краю стола лежит надкусанная булочка. – Какой сюрприз!

Мужчина со старой ковбойской шляпой под мышкой, терпеливо ждущий возле стойки, слегка оборачивается. Кивает мне, и я поднимаю руку в знак приветствия. Я его не узнаю, но это нормально. Порой мне кажется, что в Аннаполисе призраков даже больше, чем живых.

Бетти, работающая администратором, сколько я себя помню и, наверное, даже дольше, показывает на один из стульев.

– Присядь пока. Сейчас помогу этому господину и займусь тобой, хорошо?

– Не торопись. Мне не к спеху. – Я опускаюсь на стул под деревом и вытягиваю ноги. – Могу и подождать, ничего страшного.

Чтобы скоротать время, пока Бетти закончит тихую беседу с незнакомым ковбоем, я гляжу на облака через стеклянный потолок. В этом зале всегда такое чувство, будто попал внутрь калейдоскопа: приглушенные размытые цвета, плохо различимые звуки...

В доме Хэрриэт я ощущал себя так же, но как-то повеселее. То был рождественский калейдоскоп.

Карамельные тросточки. Кудрявые, непослушные волосы. Пижама с оленями. Никогда еще не видел таких нелепых ко-

стюмов, даже когда наставлял на путь истинный человека, считавшего, что можно спать в обтягивающем спортивном комбинезоне.

Это что, подарок? Или шутка такая? Неужто Хэрриэт сама себе купила эти вещи?

Какая странная, эксцентричная девушка... Просто заноза.

Дверь за стойкой открывается и захлопывается, и я перевожу взгляд на Бетти.

– Нолан! – подзывает она меня, кокетливо покачивая в руке булочкой с джемом. – Я освободилась.

Бетти откусывает добрую половину булочки, отчего на блузку дождем сыплются крошки. Глаза блаженно закрыты.

– Правда освободилась? – уточняю я. – Если тебе нужна лишняя минутка, могу подождать...

– Нет-нет. – Бетти запихивает за обе щеки остатки булочки. – Небольшие неприятности на круговом перекрестке у ферквы, – поясняет администратор, продолжая жевать. Затем, наконец проглотив, заговорщицки подносит ладонь ко рту и добавляет: – У Рида куча проблем с заданием. Новая владелица дома упорно окуривает верхний этаж шалфеем. Риду приходится оттуда уходить – а некуда, – натянуто улыбается Бетти. – Ну да ладно. Чем тебе помочь? Обычно в праздники ты так рано не появляешься. Как успехи с заданием?

Мое задание превратилось в катастрофу. Хэрриэт не ве-

рит ни единому моему слову и упорно не желает признавать себя грешницей. Ах да, еще она потребовала, чтобы я пришел в офис и поговорил с начальством.

– У меня... затруднения, – выдавливаю я, потирая подбородок. – Хотел бы обсудить кое-что с Изабеллой.

– Тебя тоже пытались изгнать шалфеем? – сочувственно спрашивает Бетти.

– Нет, обошлось без него.

– Тогда что? Дешевые свечки от экстрасенса из Уолдорфа?

– Нет, ничего такого. – И хорошо, а то, говорят, после них головная боль не проходит целыми десятилетиями. – Мне просто надо поговорить с Изабеллой. Буквально пару минут, если можно.

– Что ж, – понимающе кивает Бетти, смахивая крошки с юбки. – Ты ее знаешь.

Вот уж правда. Изабеллу я знаю с тех пор, как очутился в ее чистеньком кабинете, ошарашенный, промокший до нитки: я ведь утонул в океане. Она глянула на меня, изогнув бровь, и спросила: «Чего ты на меня так уставился?»

Как будто я по собственной воле выпал за борт в зимний шторм.

Вот уж чем-чем, а тактичностью Изабелла не отличается.

– Все равно мне надо с ней увидеться.

Бетти тянется к телефону на краю стойки и набирает три цифры. Рядом словно из воздуха материализуется очередная

булочка, будто вселенная, судьба или еще какая высшая сила заранее предугадала, что ей сейчас нужно.

– Тебе конец, – сообщает та.

– Не в первый раз, не так ли? – усмехаюсь я.

– Смотри не растеряй свое чувство юмора, когда зайдешь к Изабелле, – фыркает Бетти.

Слышатся ленивые гудки, резкий голос, а затем в трубке повисает тишина, пока администратор объясняет, что и как. Пауза тянется на пару томительных секунд дольше, чем следовало бы. Даже тис позади меня начинает нервно шуршать листьями.

– Она согласна тебя принять. – Бетти, состроив гримасу, возвращает трубку на место, однако я не тороплюсь уходить.

– Бесится?

Бетти сплетает пальцы и кладет руки на стойку. Открывает рот, закрывает, а потом все-таки выдавливает:

– Мне не положено о таком распространяться.

– Значит, бесится, – вздыхаю я.

– Лучше сам проверь, – пожимает плечами администратор и кивает на закрытую дверь за стойкой. – Иди, дорогу знаешь.

Неприметная дверь ведет в такой же скучный коридор, но освещенный уже не солнцем, а флуоресцентными лампами. По обе стороны – бесконечные двери, расположенные на одинаковом расстоянии друг от друга. На каждой – аккуратная табличка. Слева – «Фантомы», «Упыри», «Злобные

духи». Справа – «Ангелы-хранители», «Купидоны», «Со-
весть».

«Все так рационально организовано», – вспоминаю я го-
лос Хэрриэт.

Лучше и не скажешь.

Насчет летучек, кстати, я не шутил. У нас даже есть квар-
тальные отчеты. А еще Центр премирования, но в их систе-
ме поощрений я так и не разобрался. В качестве бонуса –
летние пикники, куда явка обязательна.

Дверь с надписью «Бесы» зловеще поскрипывает. Перед
входом в отдел «Смерть с косой» капает вода из кулера. Из
комнаты полтергейстов доносится жаркий спор: протяжный
вой с акцентом то нарастает, то снова стихает. Так вот куда
ушел ковбой с ресепшен...

Рождественским духам выделили кабинет в самом конце
коридора: дверь из темного дерева с сияющей золотой руч-
кой. Раньше сверху еще висела праздничная омела. Не по-
нимаю, зачем Изабелла ее сорвала.

Я дважды стучу в такт мелодии *Jingle bells*, надеясь хоть
немного умаслить начальницу.

Без толку.

– Войдите, – раздается гулкий голос.

Сначала я просовываю в проем только голову, опасаясь
появиться перед ней целиком. Изабелла уже хмурая, и мас-
штаб катастрофы лишь подчеркивается мигающим ободком
с оленьими рогами. Только моя начальница способна в но-

вом рождественском аксессуаре выглядит угрожающе. Темные волосы аккуратно заправлены за уши, смуглая кожа безупречно гладкая. Острые скулы. Карие умные глаза.

Поговаривают, она погибла накануне своего двадцатилетия и не сумела смириться с безвременной кончиной, а потому до сих пор психует. Работать Изабелла пришла сначала в отдел дежавю, но потом, в конце пятнадцатого века, ее перевели к призракам и наваждениям. С тех пор она и руководит рождественскими духами.

Кабинет у нее такой же аскетичный, как и весь отдел в целом, если, конечно, не считать рабочего стола и книжной полки за ним. Каждый дюйм пространства уставлен разнокалиберными стеклянными шарами со снегом. Один из них Изабелла держит в руке – внутри сферы над темным городским пейзажем лениво пролетают маленькие снежинки.

Начальница отставляет шар в сторону, а я закрываю за собой дверь.

– Нолан, – бесцветным тоном произносит Изабелла.

– Изабелла, – киваю я, – всегда рад приветствовать.

Она кивает и медленно проводит кроваво-красным ногтем по куполу другого шара.

– Либо ты побил какой-то рекорд, либо пришел меня позлить. – Пауза. – Так что именно тебя привело?

– Никакой рекорд я не побил, – признаюсь я, сцепив руки за спиной.

Изабелла поджимает губы. На ободке мигают огоньки: то

красные, то зеленые.

Красные. Зеленые. Красные. Зеленые.

– Откуда этот ободок? – выпаливаю я. Никогда не видел на ней никаких украшений, кроме разве что кокетливых сережек.

– Вышестоящее руководство решило, что мне надо бы создать чуть больше праздничного настроения, – еще сильнее мрачнеет она. – Ты пришел про ободок спросить?

– Нет, я...

– Значит, про грядущий корпоратив?

– И не про него. Я хотел узнать...

– Естественно, ты хотел что-то узнать, иначе не появился бы сюда. В мой кабинет. В самом начале праздников. – Начальница откидывается на спинку стула. – Выкладывай, Нолан.

Я сжимаю зубы, а потом опять расслабляю мышцы. Стоит ли говорить, что от ее ободка веселее не стало?

– Меня что, послали на какой-то тренинг?

– Что? – опять сдвигает брови Изабелла.

– Вы устроили мне обучение, ничего не сказав?

Она так долго таращится на меня, что хочется поскорее выскользнуть за дверь. Я опасливо поглядываю на начальницу.

– Какое сегодня число, Нолан?

В самом центре книжной полки за спиной Изабеллы, посреди уймы шаров, стоит маленький квадратный календа-

рик. Дата «2 ДЕКАБРЯ» буквально смотрит на меня из-за плеча начальницы.

– Второе декабря.

– Верно.

Она аккуратно дотрагивается до ободка, и мигающие огоньки ровно загораются красным. На лицо падает странная тень, отчего оно кажется особенно угловатым, а слишком алые губы теперь подозрительно похожи на кровь. Изабелла вполне могла бы работать со злыми духами, если бы захотела. И почему она не переведется...

– По-твоему, – продолжает начальница, – я могла бы устроить обучение второго декабря, то есть в самом начале горячего сезона?

– Нет, – пристыженно отвечаю я, запихивая руки в карманы.

– Тебе нужно обучение, Нолан?

– Ну... нет?

– Это что, вопрос?

– Нет, – повторяю я уже с нисходящей интонацией. – Нет, обучение мне не требуется.

– Вот именно. Ты дух уже больше ста лет. Разумеется, тебя нечему учить. – Изабелла трогает ободок, и он опять начинает подмигивать. – Тогда почему ты об этом спрашиваешь? Нечем заняться?

– Так я за этим и пришел. У нас какая-то ошибка.

Начальница сурово смотрит на меня.

– С моим заданием, – поясняю я.

– О чем это ты?

– Она... – Взбалмошная. Неуклюжая. Честная. – Слишком молодая.

– Возраст к характеру не относится, Нолан, – отмахивается от меня Изабелла. – Ты работал и с девушками помладше.

– Я помню. Но с этой точно что-то не так.

Она словно книга, попавшая не на ту полку. Фальшивая нота в песне. Веревка, протершаяся в середине. Хэрриэт Йорк не похожа на других наших подопечных, но я не могу понять, в чем дело.

– Она милая, – неловко выдавливаю я. Хочется пересказать наш чудной вчерашний разговор, но не получается. – Мои подопечные... обычно вообще не такие.

Если конкретно, то Хэрриэт слишком уж любит карамельные тросточки и носит странные пижамы, хотя при этом в ней чувствуется что-то особое. Не напускное. Она назвала себя хорошим человеком, и я...

Кажется, я ей поверил.

Раньше такого не случалось.

– И ты сделал столь вопиющие выводы о ее характере после одного-единственного разговора? – со скучающим видом цедит Изабелла.

Я хмурюсь, и моя скованность уступает место раздражению.

– А разве не вы всегда советовали верить, когда нутро что-

то чувствует?

– У тебя нет никакого нутра, – сухо отрезает начальница. – Ты же мертв.

– Все равно в этой Хэрриэт есть что-то особенное. – Почти знакомое. Необычное, пожалуй. – По-моему, ей не требуется наша помощь. Проверьте, пожалуйста, не возникла ли какая-то ошибка. Буду очень признателен.

Изабелла сжимает губы в нитку. Берет очередной шар – на этот раз внутри гавань с маяком по центру, – изящно трясет его, и стекло заволакивает снежинками. Когда они оседают, маяк покрыт блестящими огоньками. Лампа на верхушке слабо мерцает, а потом затухает.

– Я здесь уже тысячи лет, Нолан. Я видела столько прошлых, настоящих и будущих судеб, что ты и представить себе не можешь. Я видела то, что ты не в состоянии понять. – Начальница отрывает взгляд от шара. Глаза у нее серьезные. Усталые. Впервые за долгое время – человеческие. – Нет здесь никакой ошибки. У нас такого не бывает. Уж точно не в этом деле. Тебе не просто так дали Хэрриэт Йорк. Ты сам должен во всем разобраться.

Сердце, которого у меня вроде как нет, пропускает удар. Кажется, это угроза. Ну или, по крайней мере, предупреждение.

– А если не получится?

Изабелла опять переворачивает шар, и свет в маяке резко гаснет.

– Провалишь задание – расхлебывать последствия будешь сам.

Глава 4. Хэрриэт

– Тут на дне трещина. Видите? Вот здесь!

Я с деланным интересом прикусываю щеку, изучая микроскопическую трещинку на дне музыкальной шкатулки, проданной неделю назад. Прекрасная вещица – позолоченная клетка, увитая цветущим виноградом, в центре которой сидит певчая птичка. Я обрадовалась, что ее купили кому-то в подарок. Даже потратила уйму времени, чтобы красиво упаковать шкатулку.

Взяла хорошую оберточную бумагу. Завила ленточку.

Теперь никакой ленточки нет. И тонкой золотистой бумаги тоже. Представляю, как плоды моих тяжелых усилий валяются в какой-то урне, и в груди бурлит негодование. Сделав глубокий вдох, я все же проглатываю злость.

Подумаешь, бумага. И ленточка недорогая. Их легко заменить.

Женщина в спортивных легинсах наклоняет музыкальную шкатулку и упорно тычет пальцем в трещинку размером не больше дырочки от канцелярской кнопки.

– Не могу же я подарить сестре на Рождество сломанную шкатулку! – заявляет покупательница. – Даже не верится, что вы торгуете бракованным товаром!

– Она не сломана. – Я забираю у нее вещицу и аккуратно поворачиваю колечко на дне. Птичка начинает медленно

вращаться, издавая прелестную хрустальную мелодию. – Видите? Все работает.

Но женщина, будто не слыша, вырывает шкатулку у меня из рук и снова ее наклоняет. Вещица глухо ударяется о стойку, и я сжимаю челюсти до скрежета зубов. Неужели нельзя поосторожнее?!

– Но здесь трещина, – не сдается покупательница.

– Да, но...

– Здесь тре-щи-на, – повторяет она очень медленно, четко проговаривая каждый слог, будто я не поняла после предыдущих сорока семи раз. Негодование растекается от моей груди к щекам, и лицо начинает пылать. Наружу рвутся извинения, но я сдерживаюсь. А женщина щурится. – Если тут трещина, значит, шкатулка сломана.

Нет, трещина означает, что шкатулка целыми поколениями исправно выполняла свои функции. Что вещицу сотни раз брали в руки, чтобы сотни раз послушать песню птички. Что шкатулка одна в своем роде. Не такая, как все.

Трещина – отличительный знак.

Крошечное несовершенство, а женщина уже готова из-за него избавиться от уникальной вещицы.

Я опять забираю шкатулку, сдерживая возражения. Я сегодня уставшая, и меня не взбодрил даже литр хорошего кофе из кафе через дорогу. Ночью снилось что-то странное. Ко мне протягивал руку хмурый красавец-мужчина в старом выцветшем плаще.

Вот что значит заснуть перед зажженной елкой, выпив полпачки просроченного мятного чая. Пробудилась я по-прежнему на диване, во рту у меня были выбившиеся из хвоста волосы, по телевизору шло «Светлое Рождество», а вот человек, назвавшийся духом, бесследно испарился.

На всякий случай я проверила, закрыты ли окна.

– И что вы предлагаете? – спрашиваю я.

Лично я поставила бы сегодняшний день на паузу и ушла бы отсыпаться. Такое ощущение, что я совсем не вникаю в разговоры с покупателями, и меня это бесит.

– Обменять на другую, – отвечает женщина таким тоном, будто говорит с идиоткой. – Без трещины.

– Другой у нас нет, – хмурюсь я. – Это антикварный магазин. Здесь все вещи в единственном экземпляре.

Они уникальны, оригинальны, найдены мной на онлайн-аукционах, распродажах имущества и наследства, благотворительных ярмарках по всему Мэриленду – тетя Матильда тоже так выискивала интересные экземпляры. Пока родители мотались по делам в законодательное собрание штата, мое детство проходило в беготне мимо стеллажей в тесной антикварной лавке. Тогда мне это казалось волшебным путешествием. Кольца размером с мою ладонь, ожерелья, сияющие разноцветные камни. Тарелки с нарисованными лошадьми, музыкальные шкатулки. Хрустальные бокалы, отбрасывающие радужные блики на потолок, корзинки ручной работы. Тетя Матильда говорила, что прийти в «Воронье

гнездо» все равно что забраться в сундук с сокровищами.

В магазине до сих пор сохранилось волшебство, но сегодня утром я никак не могу его уловить. Неудивительно, что я не в восторге от людей, смотрящих на антиквариат как на забавные безделушки.

А вдобавок у меня так и не дошли руки установить пихты.

– То есть у вас больше нет таких шкатулок? – еще больше сердится покупательница. – Ни одной?

Именно это я ей и сказала. И не раз.

– Музыкальные шкатулки есть, но другие, – коротко объясняю я. – Точно такой же, как эта, нет, но остальные тоже уникальные. Не хотите на них взглянуть? Уверена, мы подберем...

– Мне нужна именно такая, – настаивает женщина, тыча пальцем в верхушку позолоченной клетки. – С птицей. Моя сестра обожает наблюдать за пернатыми. Любит воробьев.

Я удивленно смотрю на собеседницу. В клетке сидит вовсе не воробей. Там голубь.

– Мне что... заново ее упаковать?

– Да нет же, мне нужна точно такая же, но с целым дном! Сколько раз еще повторять? Я же все объяснила!

Разговор опять пошел по кругу. Эта тетка случайно не родственница того мужчины, который хотел тумбочку в разборе?

– Может, я просто верну вам деньги? – Мне всегда было проще уступить, чем идти на конфликт, тем более заведомо

пустой. Я забираю шкатулку со стойки. Пусть лучше остается со мной. – Если хотите, объясню, как дойти до магазинчика через два квартала – попытайте счастья там.

За пару минут я выдаю женщине деньги, и она, нацепив на вздернутый нос солнцезащитные очки, выскальзывает наружу, хлопнув дверью. Ну а я, не дожидаясь ухода посетительницы, поворачиваю колечко на дне шкатулки и слушаю первые дрожащие ноты мелодии.

– Ты же не сломалась, правда? Просто чуточку пострадала. – Я провожу пальцем по крохотной трещинке. – Ничего страшного. Ей же хуже.

Ставлю шкатулку на место и, закрыв глаза, упираюсь кулаком в грудь. Там что-то болит, и я никак не могу избавиться от этого ощущения, сколько бы ни пыталась.

А вдруг вчерашний дикий сон – это пророчество? Вроде как совесть подставила мне зеркало. Может, я и вправду совершала плохие поступки. Может, я и вправду плохой человек.

– Ну и стерва тебе попалась. – Из-за стеллажей, словно джинн из бутылки, появляется моя помощница Саша. Я слегка вздрагиваю, а она, сощурившись, спрашивает: – Ты чего такая нервная?

– А ты чего подкрадываешься?

Саша пожимает плечами.

– Да ничего. – Я убираю волосы с лица. – Странные сны. Просроченный чай.

И призрачный мужчина, который якобы пришел за мной, чтобы я искупила свои страшные грехи.

Саша задумчиво смотрит на меня и занимает свое законное место за кассой. Место, которое я покинула двадцать пять минут назад, чтобы наконец поставить пихты. Место, где Саши не было, когда в магазин пришла женщина в легинсах.

– Можем внести ее в черный список, – предлагает Саша.

– У нас нет такого списка, – отвечаю я, глядя, как она тычет по кнопкам допотопного кассового аппарата. Черный лак на ногтях облупился, на пальцах несколько колец, которые никак друг с другом не сочетаются. Она словно сияет в приглушенном свете витражного фонаря на потолке, и ее светлые волосы, рассыпанные по черному свитеру, отливают розовым. Для человека, напоминающего фигурку с праздничного торта, она поразительно ловко умеет выстраивать личные границы.

Когда вырасту, хочу быть как она.

– Как и возвратов, – пропевает Саша. – Только это не помешало тебе пойти у клиентки на поводу.

Ответить мне нечего. Мы давно не можем прийти к одному мнению ни по поводу возвратов, ни насчет черного списка. Мы с Сашей будто играем в хорошего и плохого полицейских. Я прогибаюсь перед любым покупателем, а она, если раздражается, тупо смотрит на человека и молчит.

– Где ты была? – интересуюсь я. – Кажется, я просила тебе

постоять за кассой.

– Унюхала мист *Love Spell* от *Victoria's Secret*, когда та тет-ка открыла дверь. – Саша натягивает на нос очки. – Меня срочно вызвали в кладовку.

– Кто тебя туда вызвал? – закатываю глаза я. Мы ведь в магазине вдвоем.

– Я сама.

– Ага, значит, тебе понадобилось срочно отсидеться в кресле-мешке в дальнем углу кладовки, – фыркаю я. – В том самом кресле, о котором я, как ты думаешь, ничего не знаю. Тебе приспичило почитать, пока я разбираюсь с той привередой.

– Называй как хочешь. – Губы Саши трогает неуловимая улыбка.

Моя помощница клацает еще одной кнопкой, и из верхушки аппарата выползает чек. Нам и правда нужно купить новую кассу, но стоит мне услышать скрипучий звон, с которым выезжает ящик для налички, как рядом будто появляется призрак тети Матильды, ругающей себя под нос. Тоска по ней до сих пор лежит у меня на душе тяжелым камнем. Я слишком сентиментальна, чтобы расстаться хоть с какой-нибудь вещью, напоминающей о тете.

Кассовый аппарат издает еще один печальный стон. Я морщусь.

– Можешь сегодня выполнить заказ для театра?

– Ага, – кивает Саша, изучая счет. – Я уже начала склады-

вать все в поддоны. К вечеру, когда придет грузовик, управлюсь.

– Отлично, спасибо.

Может, я и пляшу под дудку покупателей, но именно эта бесконфликтность и помогла мне заключить несколько контрактов с местными фирмами: благодаря им мы с горем пополам выбрались из долгов, накопившихся лет за десять. Впервые за столько времени «Воронье гнездо» начало приносить прибыль.

Саша отрывает чек от вяло свисающей над полом ленты и аккуратно складывает втрое, приговаривая:

– Девочки любят, чтоб было красивенько.

– А мы любим их за это. – Я пихаю ее в бедро. – Не прикидывайся, я же знаю, что ты собираешь бронзовые подсвечники.

– Грешна, – усмехается Саша, лезет под стойку за планшетом и пакетиком с орехами и сухофруктами – эти сокровища она припрятала тут, похоже, еще неделю назад. – Ладно, пойду в кладовку. Если понадобится, зови.

– Как будто ты придешь, – хмыкаю я, глядя, как она лавирует между стеллажами.

– По-смот-рим, – по слогам пропевает помощница. Она замедляет шаг и останавливается рядом с элегантным резным платяным шкафом так, что мне видна только ягодно-розовая макушка, и кричит: – Учись отстаивать себя! Кончай возвращать людям деньги и не давай на себя наезжать!

Я опять беру в руки музыкальную шкатулку.

– Постараюсь.

Впрочем, стараться я как раз не собираюсь. Люди всегда считали мое природное смирение слабостью. Каждый раз, когда мне приходилось участвовать в дебатах на юрфаке, комментарии я потом выслушивала неутешительные. Слишком робко. Не умеет надавить на собеседника. Из-за нерешительности оратора аргументы кажутся неубедительными. От Йорк-младшей ждали куда большего, и я всю жизнь не могу избавиться от груза возложенных на меня надежд. Писать у меня получается лучше, чем говорить.

Преимущество у того человека, который понимает, когда бросаться в бой, а когда проще отсидеться в сторонке. Я хорошо ориентируюсь в ситуации и знаю, чего ожидать. Этот навык я отточила до совершенства, проведя детство с холодными родителями в холодном доме. Порой лучше притвориться маленьким и слиться с пейзажем, чтобы тебя не заметили.

Даже если это равнодушие сильно ранит.

– Даже не верится, что она дает такие советы именно тебе, – льется знакомый голос сбоку от кассы. – Отстаивать себя? – цокает языком вновь прибывший. – А я и не думал, что у тебя с этим проблемы.

Я так резко оборачиваюсь, что шея протестующе хрустит. В магазине появился тот самый дух из моих сбивчивых бредово-мятно-лихорадочных сновидений. Он стоит сбоку от

кассы, держа в руках по стаканчику с кофе.

Вчера вечером я толком не разглядела лицо незнакомца, но теперь вижу его во всех деталях.

Яркие темно-синие глаза. Густые ресницы. Нос с небольшой горбинкой, будто его разок-другой ломали. Уголки полных губ чуть усмеваются. Над левой бровью тонкий белый шрам.

Если это и правда призрак, то очень красивый.

– Опять ты, – шиплю я.

– Опять я, – отвечает он, и в уголках его глаз появляются морщинки от улыбки, а на заросших щетиной щеках – две ямочки.

«Проклятье», – шепчет мой мозг.

Мужчина ставит один из стаканчиков передо мной и закидывает руку на кассовый аппарат.

– И снова здравствуй, Хэрриэт.

Сегодня на призраке темно-зеленый свитер, явно его любимый. У основания горловины маленькая дырочка. На нее то я и гляжу, чтобы не смотреть гостю в глаза. Дух сглатывает, и его кадык дергается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.